

Рассказы пограничника

По сути, я и есть пограничник, хотя, по правде, в прошлом — военный летчик.

Я как бы продолжаю нести многолетнюю службу на границе. На границе прошлого и настоящего.

Между этими прошлым и настоящим что-то вроде занавески. Тяжелой занавески из каких-то непонятных малопрозрачных пленок. Надо постоянно приглядываться, щурить глаза, для того чтобы разглядеть через эту занавеску, сотканную годами, что-то очень близкое с той стороны. С той стороны, где прошлое...

Знакомые силуэты, голоса, ситуации.

Детство. Война. И опять одесские улицы. Даже чужие города... Ты этим жил, это носил в себе.

Все душевное, все щемящее в каком-то удалении. Обидном удалении...

Тянешься к этому всю настоящую жизнь.

Так и живешь на этой границе. В смысле, служишь...

С годами больше там, чем здесь. Больше с теми, чем с этими...

Даже скучаешь туда. К тем и за теми...

Такая граница разве может быть все время на замке?!

...Война, слава Богу, закончилась. Я остался жив.

Я у себя дома, в Одессе. Вот они, мои Разумовская, Раскидайловская, Косвенная, Колонтаевская...

Слава Богу, все близкие живы. И мама жива! Призвали же меня еще в августе 41-го. И все... Одесса столько лет под румынами. Кому и как я мог дать знать о себе?!

Фронт, 5-я воздушная армия, эскадрильи, полевые аэродромы... И в самолете горел, и на парашюте выбрасывался, и к своим брел. Брел через леса и болота. Через госпитали брел. А как по-другому на войне? Терял товарищей, стрелял и отстреливался. Смотрел той войне в глаза и на земле, и с неба. И со мной прощались и отпевали... Даже стояли "в минутах молчания"... А я возвращался всякий раз!

Как-никак, 112 боевых вылетов... Что-что, а это в памяти держится... Это все наша 132-я бомбардировочная авиадивизия. Летал сначала на ТБ-3, а в конце даже на первом реактивном бомбардировщике ИЛ-28!

Так с июля 42-го и до самого конца. Прошел и Кубань, и Днепр, освобождал Украину, Румынию, Австрию, Венгрию, Чехословакию.

А ты говоришь, Одесса...

Уже ж думал, что все страшное позади.

Где-то в ноябре 45-го стояли уже почти в Одессе. А тут срочно спецзадание — летим поближе к Румынии. Рано утром быть в полной боевой на военном аэродроме. С трудом отпросился на ночь домой. Отпускать домой никто не имел права. Но... Вот и шел к своим, на Раскидайловскую. Только обняться, сложиться, переночевать и с утра... на боевой курс. Как говорится, от винта...

На остановке 28-го трамвая, на углу Перекопской Победы и Комсомольской, обратил внимание на дрожащую от холода, а может, больше от страха, девушку. Так, слово за слово. Ей куда-то в конец Пишоновской. Вот, ждет попутчиков "в ту сторону" — одной очень боязно. Кругом ночь и ни души.

Ну, вызвался провести ее домой через эту нашу одесскую "темную ночь".

А что мне? Я вооружен, а за плечами все-таки война...

Тех каких-то полчаса пробежали мгновенно. Я двинулся в обратный путь, к себе на Раскидайловскую угол Мастерской. В голове застряли мысли о предстоящем полете за Дунай. Вот так с ними и шел.

На Пишоновской, на пустыре, около стадиона "Пионер", меня окликнули. Из темноты буквально выросли трое мужиков. Двое с пистолетами. Ребята, видно, стреляные. И меня обступили грамотно — одновременно как бы прикрывая друг друга, и так, чтобы не попасть под свои же пули.

Обстановку прикинул сразу. Передо мной люди, умеющие обращаться с оружием. Очевидно, бывшие фронтовики, которые со смертью и ходили, и жили очень рядом... Страх исчез сразу. В голове стучало: "Для чего же ты выжил на той войне?! Для чего прошел через столько смертей и жизней?!".

На мне было кожаное пальто, которое пошил еще тогда, когда стояли в Австрии. На длинных подвесках кобура с пистолетом. Бритвой срезали кобуру. Сняли пальто, "проверили" карманы — деньги, продуктовые карточки, трофейный портсигар. Нательный серебряный крестик... Сорвали с кителя нашивки о ранениях.

Пригрозили, чтобы не двигался десять минут, а то конец... Тут я вступился за себя: "Ребята, что ж вы делаете?! Я со 2-го Украинского. Вы же тоже с фронта. А мне так и так конец. Куда без оружия? Прямо в трибу-

нал... Патроны заберите, а пистолет отдайте. И я вас не видел, а вы — меня". Сказал как-то доверительно, по-нашему, по-молдавски...

Мужики не спеша перекурили, забрали обойму и бросили назад мойменной "ТТ".

Я долго не раздумывал. По фронтовой привычке в ботинке всегда носил запасную обойму. Вставил обойму и уложил троих. Без сожаления... Стрелял за всех, кто с войны той не вернулся. Кто мечтал после мая 45-го ходить по своей Одессе, высоко подняв голову. По правде, вот только тогда и понял, что война еще не окончилась. И еще не так скоро...

Поднялся до Комсомольской. Возле Водного института был опорный пункт милиции. Здесь каждый вечер собирали группы из военных, милиционеров, рабочих, студентов. Собирали, чтобы патрулировать темные настороженные улицы.

С порога доложил: "Там, возле "Пионера", на Пионовской, уложил троих. Не знаю, убил — не убил. Разберитесь...".

Разбирались и еще долго тягали... Проверяли мою личность. Почему имел при себе оружие? А как с пределами необходимой обороны?! И военная прокуратура, и контрразведка, и даже СМЕРШ... В конце концов, обошлось. Самим маршалом Жуковым, тогдашним командующим Одесским военным округом, были изданы жесткие распоряжения об усилении борьбы с бандитизмом в Одессе. Получилось, что я как раз показал всем пример.

...Вот так в мозгах все перемешалось.

То то вспомню, то это. А когда сегодня в Горсаду, на Дерибасовской, играет духовой оркестр, всегда преследует одна и та же военная мелодия в стиле вальса. В голове застряло:

...Ушла далеко конница
К Дунаю воевать.
Пока война не кончится,
Нам свадьбы не сыграть.
Притихла наша улица,
Лишь клен шумит листвою,
Но мне повсюду чудится
Оркестр духовой...

А это разве не про меня? Разве она не созвучна моим военным переживаниям, когда тоска со смертью ходили под руку?! А сколько раз на фронте удерживал себя, повторяя: "Пока война не кончится... Пока война не кончится!...". Мол, держись, парень! Еще чуть-чуть осталось...

Мы же тогда все из этой песни примеряли на себя, даже те кленовые листья...

Здесь говорилось о какой-то там абстрактной улице, а мне всегда представлялась моя Раскидайловская — сонная и безразличная в будние дни, живая и бурлящая из-за Староконного по выходным.

Отсюда, буквально "от моих ворот", я пошел воевать. И стремился в Одессу, на Раскидайловскую, каждую минуту, каждый военный вдох и выдох.

...Осенью 46-го в первом послевоенном отпуске все-таки удалось побывать в Одессе. До сих пор все это сидит внутри. И пыль, и разрушенные дома, и окрики на улицах, и встречи — много встреч. Соседи, уличные и школьные приятели, наши девочки. "Новые" инвалиды, просто люди в полувоенной одежде со следами погон на гимнастерках и оттисками от звездочек на фуражках. А скольких помянули?! Помянули молча, со слезами, стоя, на ходу...

А тогда на Привозе, в ресторанах, кинотеатрах и вообще многие еще путались, называя наши рубли их леями. Многие продолжали жить одной ногой еще там, в том времени...

Тогда в "Пассаже" я засмотрелся на работу мастера, который буквально на глазах вырезал из бумаги силуэты желающих. В Одессе это занятие было известно еще с дореволюционных времен. Простой инструмент — ножницы, черная и белая бумага, клей, "золотые" чернила. И конечно, голова на плечах... Минута — и на память открытка с собственным профилем и каллиграфической надписью золотом.

Пока я был погружен в воспоминания, за спиной послышались прилатненные нотки: "Эти евреи опять на тепленьких местах...". Опять евреи... Не удержался: "На вас, гнид румынских, нет моего Леньки Рапопорта, он бы быстро подыскал вам тепленькое место... на том свете, а мы бы ему как раз и помогли...". Автоматически сжал кулаки. Как на войне...

Все же еще стояло перед глазами. Только на днях заскакивал на Кузнечную поклониться матери нашего штурмана Леньки Рапопорта — умницы, мало сказать отважного парня, погибшего в Чехословакии за пару дней до большой Победы. Он-то при жизни Героя не получил, потому что... потому. С ним и "посмертно" продолжали воевать...

Одернул меня старый мастер: "Молодой человек! Не обращайтесь внимания. Подойдите ближе. И что я вижу? У вас же буквально сказочный профиль! Вам, наверное, вообще лучше ходить в профиль!..". Я улыбнул-

ся еще той детской улыбкой, когда меня за руку заводили в тот "Пассаж", поражающий сказочными скульптурами и стеклянной крышей.

Так и разбежались... И что получается? Уже летом 66-го в Аркадии только сошел с 5-го трамвая — чуть вперед по главной аллее и... уперся в моего давнего знакомого по "Пассажу". Он, окруженный толпой отдыхающих, что-то бормоча, продолжал вырезать силуэты. И это через столько лет! Про себя улыбнулся, вспоминая его прежнюю работу над моим профилем: "Молодой человек! Вам вообще лучше ходить в профиль...". Завидев меня, мастер насторожился, но через мгновение просветлел: "А я вас узнал, молодой человек! Узнал, хотя тогда, сразу после войны, вы были в военной форме. Да и седины тоже было хорошо меньше... И насчет вашего погибшего штурмана помню..."

Мастер тяжело вздохнул: "Ой! Где сегодня можно найти такого штурмана, чтобы проложить счастливый курс уже до конца, уже на всю жизнь?.. Думаете, не получится?..". Что тут ответишь?!

Пока разглядывал его работу, тут голос со стороны: "И я вас тоже узнал!". Вроде бы незнакомый человек, а смотрит на меня, не отрываясь: "Не помните? Я же был в том патруле, тогда, в конце 45-го, когда вы стреляли на Пишионовской!.. Мы потом вместе с военным комендантом спустились на ту Пишионовскую, посмотреть, что там, и вообще...". Он не мог остановиться: "На этой истории выросли мои дети... А вы тогда подарили мне, 18-летнему пацану, трофейную немецкую зажигалку... Я тогда учился в строительном техникуме в Лютеранском переулке. Уже потом там была 80-я школа... Не помните?..".

Вот тебе вся жизнь! Жизнь вообще может выкинуть такое, что даже в голову никогда не придет. Что, я не знаю?! Видно, там, наверху, за нас кто-то уже все хорошо посчитал...

Смутно подумалось: "Вот и я вошел в чью-то жизнь. Вошел как "человек с ружьем", в смысле с пистолетом". Уже начали собираться "слушатели". Я, воспользовавшись паузой, тихонько улизнул... Прошел по аллее дальше, к морю. Всмотривался вдаль, еще раз проигрывая про себя и войну, и голодуху, и тот "45-й год", и Пишионовскую, и прошлое с настоящим...

Что говорить?

Время бежало как-то незаметно. Кто его считал?

Взлетал, садился и снова взлетал... Потом толкался и двигался по жизни уже на своих двоих...

А вообще с тех времен что осталось?

Остались те одесские улицы, которые еще не забыли хотя бы мои молодые ночи...

Остались те нашивки о ранениях, которые я спас когда-то на пустыре, на Пишионовской...

Остался летный замшевый шлем с первого самостоятельного полета...

Осталась память...

И еще тот мой профиль — черный силуэт на белом фоне. Да и надпись золотом: "Одесса. 1945 год". Все...

Жаль только, что все так быстро проскочило. Что, может, прожил как-то не на полную, что просто складывал пустые годы. Как будто все не за свой счет. Так и получается — грызешь себя и... продолжаешь жить по-старому.

Вот так и несусь службу на этой границе... А там, где-то внутри, приказываешь самому себе: "Ни шагу вперед! Только назад..."

Ну да ладно!

Выпьем за Господа нашего, чтобы творил только добрые дела. Хотя Господь в нашей рюмке совсем не нуждается...

